

УДК 321.1
ББК 63.5

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В.И. Коваленко

В статье анализируются проблемы, связанные с попытками фальсификаций основных факторов и предпосылок возникновения Второй мировой войны и роли отдельных государств в ее завершении. Подчеркивается недопустимость отождествления политики гитлеровской Германии и Советского Союза, столь свойственного многим современным исследователям той эпохи на Западе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, фашизм, историческая ответственность, фальсификации истории, политический процесс.

Национальное самосознание – это своеобразный стержень общества, народа, который оценивается по тому, существует ли в людях национальное чувство, есть ли интерес народа к себе, знает ли он себя – свою историю, культуру, национальный менталитет, уважает ли народ себя, верит ли в себя, сохраняет ли свое достоинство, относится ли с уважением к другим народам, есть ли у народа ответственность за судьбу своей страны и своего народа, есть ли национальная идея, сплачивающая его воедино, существует ли в народе патриотической настрой. – Все это в совокупности определяет отношение народа к самому себе.

А.С. Пушкин, пожалуй, ни на чем другом так не настаивал, – и многократно, – как

на уважении к прошлому: уважение к минувшему – вот что отличает образованность от дикости. Годовщина Сталинградской битвы – событие, которое в очередной раз заставляет нас вспомнить о войне, ее месте в нашей исторической памяти, ее историческом значении. Великая Отечественная война – это наша боль, боль всех народов, населявших когда-то единую страну. Но война – это и наша великая победа, это гордость за наших отцов и дедов, которые в тяжелой борьбе сумели сломать хребет фашизму, несшему порабощение всей Европе. И этой нашей победой мы не поступимся никогда.

Последнее, тем более, важно подчеркнуть сегодня, когда начали множиться представления о причинах и характере этой освободительной войны, ее истоках, исторических следствиях, роли Советской армии. Согласно им, политики СССР и нацистской Германии,

как минимум, «уравниваются», а, в крайних своих выражениях, Советский Союз объявляется истинным виновником Второй мировой, страной, утвердившей худший, в сравнении с гитлеризмом, оккупационный режим в десятке стран Центральной и Восточной Европы. В России солидными тиражами издаются книги В. Суворова, М. Солонина и других авторов, которые, надо признать, оживленно комментируются в читательской среде. И на телевидении некоторые участники передач об уроках войны выводы сводят к предписаниям «строгого покаяния» России, конечно же, под контролем опытных врачей, представляющих силы «мировой демократии».

Не хотелось бы, впрочем, вести разговор в режиме моральных императивов (хотя и такой разговор оправдан и полезен). Вторая мировая война порождена комплексом причин, она сопровождалась исключительно сложными перипетиями в мировой политике, тактическими расчетами правительств и государств, что во многих случаях обусловило односторонность принимаемых решений, ошибки и просчеты политиков и дипломатов в укреплении системы международных отношений. Что касается Советского Союза, то, безусловно, его внешнеполитическая стратегия в значительной степени определялась характером политического режима, сталинистскими идеологиями о противоречиях и перспективах мирового общественного развития. И сегодня очень важен и нужен серьезный разговор профессионалов – историков, политологов, дипломатов – об этом сложном историческом периоде, разговор непредвзятый, свободный от идеологических наслоений и пристрастий.

Но именно соображения строгой научности и основательности исторического анализа заставляют нас выступить с резким неприятием взглядов, согласно которым главным архитектором мировой схватки выступает руководство СССР, его попустительство и даже прямой союз с агрессором (раскол в антифашистском движении, пакт Молотова – Риббентропа и др.). Конечно, надежды И. Сталина на мировую революцию вследствие «грызни империалистических держав» сыграли здесь свою роль, но такой ли беспорочной представляется политика «передовой демократии»?

Известный американский историк и журналист Уильям Ширер в своем фундаментальном труде «Взлет и падение третьего рейха» писал о настоящей охоте на Гитлера, которую устраивали корреспонденты, редакторы и издатели с целью взять у него интервью или получить нужное фото: «Среди них был и англичанин с моноклем Уорд Прайс. Его газета – лондонская “Дейли мейл” и ее читатели всегда были к услугам германского диктатора. Так, в августе 1934 г. в очередном интервью, которые Гитлер давал Прайсу вплоть до начала войны, он заявил, что “война не вернется”, что Германия “лучше других знает, какие бедствия она несет”, что “германские проблемы не могут быть решены военным путем”. Осенью он повторил эти высокие слова Жану Гою, лидеру французских ветеранов войны, члену палаты депутатов, который, в свою очередь, привел их в статье, опубликованной в парижской газете “Матэн”» [4, с. 321].

Безусловно, политика западных правительств была более настороженной. Так, после убийства в 1934 г. австрийского канцлера Э. Дольфуса, которое, как рассчитывал Гитлер, станет прологом к фашистскому перевороту в этой стране и обеспечит ее «мирное вхождение» в третий рейх, Великобритания и Франция выступили с резким протестом, пригрозив самыми серьезными санкциями. Даже Муссолини присоединился к этому демаршу, приведя в боевую готовность четыре дивизии и подтянув их к Бреннерскому перевалу.

Советский Союз в этих условиях решительно поддержал антигитлеровские санкции, выразил недвусмысленное желание присоединиться к странам-победительницам в «восточном Локарно», чтобы воспрепятствовать продвижению Германии на Восток. Осенью этого же года СССР стал членом Лиги Наций, последовательно выступая в дальнейшем за укрепление системы коллективной безопасности.

К сожалению, политика западных держав стала развиваться в прямо противоположном направлении. Гитлер стремительно осуществлял программу перевооружения, в нарушение всех статей Версальского договора. Когда же перевооружение на всех фазах приобрело такой размах, стало настолько заметно, что скрывать его от озабоченных стран-победительниц стало практически невозможно, пра-

вающие круги Великобритании стали озвучивать идею о признании паритета Германии в вооружении в обмен на общеевропейское соглашение о безопасности (фюрер позднее показал, что такие соглашения значат для него не более чем клочки бумаги). И хотя Франция в тот момент эту идею резко отклонила, на последовательно антинацистской позиции она оставалась недолго.

7 марта 1936 г. небольшие отряды немецких войск перешли через Рейн и вступили в демилитаризованную зону. Они имели четкое указание генерального штаба: если на их пути окажется хотя бы один французский батальон, немецким отрядам надлежит стремительно отступить за реку. Такого батальона у Франции при ее ста дивизиях не нашлось, и об этом, наверное, не раз вспоминали ее политики и военачальники горьким летом сорокового года, когда под ударами немецких танковых колонн гибли армии.

Между тем в военном отношении эта акция нацистской Германии была чистой авантюрой. На Нюрнбергском процессе обвиняемые генералы прямо заявляли, что любое, даже символическое, сопротивление обернулось бы для Германии катастрофой. В случае же серьезных столкновений, как признавал бывший начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами А. Йодль, «французская армия разорвала бы нас на куски». Сам Гитлер признавался, что неудача в этой аванюре кончилась бы полным крушением режима (более подробно о позиции германского генералитета и высшего политического руководства страны см.: [2]).

Пассивность Франции и отказ Англии поддержать ее действиями, которые носили хотя бы чисто политический характер, означили на деле скатывание мира к большой войне. В марте 1936 г. две эти державы имели последний шанс малыми силами остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести фашистский режим к своему концу. Этот шанс они упустили. Франция серьезно подорвала и свои международные позиции. Ее восточные союзники – Россия (договор Франции и СССР о взаимной помощи был подписан весной 1935 г.), Чехословакия, Румыния, Польша и Югославия были поставлены перед фактом: Франция не будет

воевать с Германией в случае агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над которой она, как казалось, так кропотливо трудилась. Со временем становилось понятно, что если Франция преодолет свою бездеятельность, то действенной помощи союзникам она оказать в любом случае не сможет – сооружение немцами Западного вала на франко-германской границе, стремительно растущая военная мощь Германии кардинальным образом меняли стратегическую обстановку в Европе.

Самое главное, однако, заключалось в том, что в реальных своих выражениях политика бездействия сменилась фактически политикой поощрения агрессора. Были захват Италией Абиссинии, опробывание нового оружия в Испании, аншлюс Австрии. Особое место в этом ряду занимает Мюнхен.

Операция «Грюн» – кодовое название плана внезапного нападения на Чехословакию – была разработана германским генштабом уже к июню 1937 года. Предлогом для такого нападения стала проблема судетских немцев. Причем это делалось в грязно-циничной форме, что, казалось, должно было бы возмутить правительство любого цивилизованного государства. «Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы... Жалкая раса пигмеев – чехов угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола!» – цитата из речи Г. Геринга на партийном съезде в Нюрнберге 10 сентября 1938 г. (см.: [4, с. 420]). Именно предлогом, таким же, каким через год стал Данциг для захвата Польши. К. Гейнлен, лидер немецкого меньшинства в Чехословакии, прямо формулировал приказы Гитлера: требовать так много, чтобы эти требования невозможно было удовлетворить. Сам же Гитлер в установках военному руководству (5 ноября 1937 г.) обозначал истинные цели операции: уничтожить чехословацкое государство, присоединить его территорию и население к третьему рейху.

Чехи были преданы союзниками. Н. Чемберлен и Э. Даладьё любой ценой хотели избежать войны и вместо поддержки Чехословакии сосредоточились на согласовании требований, которые ей предстояло принять. Заместитель министра иностранных дел Великобритании О. Харви заметил позже: «Фак-

тически за Германию ультиматум чехам предъявляли мы» (цит по: [5, с. 138]). Грянул Мюнхен, открывший прямую дорогу ко второй мировой войне.

С чисто военной точки зрения, разгром Германии в то время представлялся неизбежным. К осени 1938 г. Германия довела численность армии до 2 млн 220 тыс. человек, при 720 танках и 2 500 самолетах. Отмобилизованные вооруженные силы Чехословакии насчитывали 2 млн солдат и офицеров, при 469 танках и 1 582 самолетах. Армия базировалась на мощных оборонительных сооружениях, которые многие эксперты оценивали как самые неприступные в Европе, уступавшие разве что линии Мажино во Франции. Силы же антигитлеровских держав, включая Красную армию, готовую выполнить свои союзнические обязательства, были неизмеримо мощнее.

Чехословакия была сдана без боя. Германия, не ограничившись Судетской областью, в считанные месяцы растоптала ее независимость, получила заводы «Шкода» (второй по значению арсенал Европы), производившие лучшие в мире танки, ЧКД, другие предприятия, выпускавшие первоклассную военную продукцию.

Антигитлеровский блок разваливался на глазах. Польша, ставшая осенью 1939 г. очередной жертвой агрессии, в марте, при окончательном разделе Чехословакии (возможно, в качестве поощрения за категорический запрет правительства Ю. Бека на пропуск советских войск, вплоть до угрозы войны), получила от Германии из чешского наследия высококоразвитый Тешинский округ, тем самым присоединившись к захватнической политике Гитлера. Уже в наши дни польское правительство принесло свои официальные извинения. Это действенный шаг, закрывающий одну из неприглядных страниц истории. Но, к сожалению, к логике скатывания Европы ко Второй мировой войне он по определению не может иметь никакого отношения.

Чемберлен же, вернувшись из Мюнхена, выслушал песню «Потому что он веселый парень» и бросил в толпу, собравшуюся на Даунинг-стрит, слова о «почетном мире», который он привез в Англию. В стране спонтанно возникло движение за основание «Национального фонда благодарения» в честь Чем-

берлена, но последний «великодушно» отклонил это предложение. Ликование было всеобщим; в отставку подал только первый лорд адмиралтейства, да еще Уинстон Черчилль во время дебатов в палате общин, оценивая Мюнхенское соглашение, произнес свои исторические слова о полном и сокрушительном поражении Англии. Тогда, однако, это было гласом вопиющего в пустыне.

Чем можно было объяснить столь явное благодушие лидеров мировых держав по отношению к гитлеровской Германии, или, во всяком случае, как могло и должно было советское руководство оценить политику «умиротворения» агрессора? Ответ очевиден: только как попытку канализировать завоевательные устремления Гитлера, замкнув их на Восточном направлении. Тем более что и сам фюрер в своей «Майн кампф» политику «Дрангах Остен» считал историческим предназначением третьего рейха: Германия должна увеличивать свою территорию на Востоке – в основном за счет России.

Политический режим в СССР, конечно же, вызывал тревогу и озабоченность у мировой общественности, но в предстоявшей всемирной схватке Советский Союз не раз демонстрировал свою действенную готовность совместного противостояния Гитлеру. На исторических весах того времени главным было это. Р. Роллан, А. Барбюс, многие видные интеллигенты Запада совсем не идеализировали практику сталинизма, хорошо осознавая его сущность. Но они понимали и другое: «коричневую чуму» может остановить только СССР, антифашистское движение – ключевой фактор мира, без Советского Союза оно невозможно.

Вполне понятно, что после Мюнхена советское правительство, как об этом и заявил И.В. Сталин на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), стремилось соблюдать осторожность и не давать втянуть страну в конфликты «провокаторам войны», привыкшим «загреть жар чужими руками». Филиппика, явно направленная против Англии и Франции. Тем не менее после оккупации Чехословакии, произошедшей во время работы съезда, советское правительство в целях предотвращения новой агрессии со стороны Германии внесло 17 апреля 1939 г. предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимомо-

помощи и военной конвенции. В свою очередь, и Гитлер, уже принявший решение о подготовке войны с Польшей, предложил западным державам заключить «пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция).

Британское и французское правительства сделали в конце мая свой выбор в пользу политических переговоров с СССР. О военных соглашениях на данном этапе и речи не было. Более того, британский премьер-министр заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами, который предусматривал бы немедленную военную помощь Англии и Франции Советскому Союзу, если последний окажется в состоянии войны с Германией. Истинной целью переговоров было не достижение каких-либо конкретных договоренностей, но противодействие возможной нормализации отношений между СССР и Германией. Переговоры наркома иностранных дел В.М. Молотова с британским и французским представителями в Москве в июне – июле 1939 г. успеха не имели. Западные страны не брали на себя обязательств гарантировать независимость пограничным с СССР державам от Балтийского до Черного моря.

Лишь в условиях явно надвигавшейся войны и с целью успокоить общественное мнение французское и британское правительства согласились продолжить переговоры о заключении одновременно с политическим и военного соглашения. Их военные миссии, неспешно прибывшие в Москву морем (в Мюнхен Чемберлен и Даладьё добирались самолетами), состояли, однако, из второстепенных лиц, не имели сколь-нибудь существенных полномочий, что не могло не взбесить Сталина. Правительство осуществило резкий поворот в сторону Германии. 23 августа в Москве между СССР и Германией был заключен пакт о ненападении, вошедший в историю как «пакт Молотова – Риббентропа». Взаимный зондаж в отношениях Советского Союза и Германии, это надо признать, стал проводиться уже после Мюнхена, но окончательное решение советское правительство приняло только после того, как англо-франко-советские переговоры в Москве в середине августа зашли в явный тупик.

В «просуворовской» литературе часто воспроизводится апокриф: главе советской

военной делегации на тройственных переговорах, наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову прямо в зале заседаний вручили записку от Сталина: «Клим! Кончай балаган. Коба». Это, может быть, и похоже на правду, все дело только в том, кто этот «балаган» устроил? Вопрос, конечно же, риторический.

Критика «пакта Молотова – Риббентропа» принимает сегодня шквальный характер. Почему? Может быть, потому, что за ней проглядывается желание скрыть позор Мюнхена, близорукость и преступность той политики «умиротворения» Гитлера, которая западными державами целенаправленно проводилась до 1939 года? Будем определены в выводах. Любой серьезный аналитик советско-германский пакт не мог бы не оценить как вполне ожидаемую реакцию партнера по переговорам, которым по отношению к западным демократиям в течение многих лет являлся Советский Союз, на их недальновидную и во многом провокационную политику перенацеливания агрессии в его сторону. Пакт – это им плата за Мюнхен, это еще одно его следствие.

Безусловно, пакт не стал спасением и для СССР, хотя и сыграл свою роль в возможностях укрепления обороноспособности страны. Сталинское руководство не сумело в полной мере воспользоваться почти двухлетней передышкой, не успело перевооружить армию. Не была пересмотрена и советская военная доктрина, не учтены стратегические и тактические приемы нового времени.

Масштабными были и политические издержки. Были дезориентированы коммунистические партии Европы, которые по природе своей являлись радикальными противниками нацизма. Был расколот единый антифашистский фронт. Сталин по примеру Англии и Франции предпочел занять позицию «невмешательства» и даже поощрения схватки «капиталистических хищников». Секретные приложения к пакту дали Сталину санкции на участие в разделе Европы. Была, наконец, Катень...

Германия напала на Советский Союз на рассвете воскресного утра 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война.

В статье, которую я пишу для журнала Волгоградского университета, города исторической Сталинградской битвы, не могу не отметить, чем, каким духом, настроением была

обеспечена победа. Это был дух национальной солидарности. В беседе с А.Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, возглавлявшим делегацию США на московском совещании представителей СССР, США и Великобритании 29 сентября – 1 октября 1941 г., Сталин сказал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию» (более подробно см.: [1, с. 322]). За Россию народ поднялся – и он сумел-таки переломить хребет фашизму.

Победа была оплачена страшно дорогой ценой – и не только за ошибки советского руководства, но и преступную близорукость тех сил, которые развязали руки Гитлеру. Огромная территория на западе СССР была практически в руинах. Материальный ущерб, нанесенный стране войной, был равен почти 30 % ее национального богатства (для сравнения: в Великобритании – 0,9 %, в США – 0,4 %). Враг полностью или частично разрушил 1 710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, около 6 млн зданий, лишил крова 25 млн человек. Были уничтожены почти все находившиеся на этой территории заводы, фабрики, шахты; 65 тыс. км железнодорожных путей; разграблены музеи и библиотеки. 7 млн лошадей, 17 млн крупного рогатого скота было угнано в Германию или уничтожено.

Но самое главное – это человеческие потери. За период с июня 1941 г. до начала 1946 г. население страны сократилось с 196,7 млн человек до 170,5 миллиона. Общие безвозвратные демографические потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек – 13,5 % от довоенной численности населения (для сравнения: США потеряли в мировой войне 405 тыс., Великобритания – 350 тыс. человек).

Общие демографические потери СССР в 2,2 раза превысили потери Германии и ее сателлитов (11 миллионов). Критики нашей победы заявляют, что такой большой разрыв связан с бесчеловечностью режима, с бездарностью нашего военного командования, не жалевшего людей. Да, конечно, были и трагедии окружения, и бессмысленные лобовые атаки, и штрафбаты – эти смертники войны. Но есть и другая логика подсчета. 7,4 млн советских людей преднамеренно были истреблены гит-

леровцами на оккупированной территории, 5,3 млн советских граждан насильственно вывезены на работу в Германию (из них 2,2 млн – погибли в фашистской неволе). На 4,1 млн человек сократилось население на оккупированной территории в результате повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима, по причине повышенной смертности умерли 1,3 млн детей из числа родившихся в годы войны. А были еще 23 августа 1942 г. – страшный для Сталинграда день, когда город превратился в руины, блокадный Ленинград, налеты на Москву и другие города, повлекшие десятки и сотни тысяч человеческих трагедий.

Соотношение между советскими и немецкими безвозвратными потерями составляет 1,3 : 1. Надо учесть при этом, что количество военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн из 4,6 млн) в пять с лишним раз превышает число военнослужащих противника, умерших в советском плену (420 тыс. из 4,4 миллиона). Эти и другие данные о потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне представлены на основе статистики Госкомстата (см.: [3]).

Гитлеровцы напали на СССР как завоеватели, не имея чувства личной мести, но прошли по ней растиравшим людей в пыль катком. Советская армия пришла в Германию, потеряв своих жен, родителей, детей. Они могли бы легко «исправить статистику» потерь, но мстили они не немецкому народу, а фашизму.

Советская армия не только изгнала захватчиков со своей территории, но в ходе Второй мировой войны полностью или частично освободила 13 стран Европы и Азии. Мы помним не только Мюнхен и соглашательскую политику, но и стойкое сопротивление Англии, героизм моряков северных морских конвоев, мы понимаем значение Эль-Аламейна, роли США в битвах на островах Тихого океана и в Европе. Мы помним о героях Сопротивления. Но в то же время хотим, чтобы не был забыт и тот огромный, решающий вклад, который внесли народы Советского Союза в разгром фашизма. Среди мобилизованных солдат и офицеров русские составляли 65,4 %, украинцы – 17,7 %; белорусы – 3,2 %; татары – 1,7 %; евреи – 1,4 %; казахи – 1,1 %; узбеки – 1,1 %; другие народы СССР – 8,3 %. Из по-

гибших военнослужащих по национальному составу наибольшая доля приходилась на русских – солдат и офицеров – 5,7 млн (66,4 % погибших); украинцы составили 1,4 млн (15,9 %); белорусы – 253 тыс. (2,9 %); татары – 188 тыс. (2,2 %); евреи – 142 тыс. (1,6 %); казахи – 125 тыс. (1,5 %); узбеки – 118 тыс. (1,4 %); другие народы СССР – 8,1 %.

Факты таковы: между июнем 1941 г. и июнем 1944 г. (высадка англо-американских войск во Франции) 93 % общих потерь немецкие войска понесли в боях с Красной армией. С 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. безвозвратные потери Германии составили 7 181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками – 8 649 тыс. человек (из общих – вместе с населением – 11,9 миллиона). В земле Польши покоятся более 600 тыс. советских воинов, Венгрии – свыше 140 тыс., Чехословакии – около 140 тыс., Германии – 102 тыс., Румынии – 69 тыс., Австрии – 26 тыс., Китая – 9,3 тыс., Югославии – 8 тыс., Норвегии – 3,4 тыс., Болгарии – 977 чел., Северной Кореи – 691 человек.

Советский Союз вместе с союзниками освободил мир от фашизма с его проповедью расовой исключительности, холокостом, истреблением миллионов людей. В этом – главная правда нашей победы. Были затем и наслоения тоталитаризма, были и остаются ис-

торические обиды, но этой главной правды отменить нельзя.

Нельзя допускать парадов эсэсовцев в Европе, нельзя давать звания героев пособникам нацистов, уничтожившим десятки тысяч мирных граждан только потому, что они были другой веры или национальности. Нельзя в современном мире придерживаться политики двойных стандартов, разрушающих мир, мешающей его консолидации перед лицом новых угроз.

История учит. Или должна учить. История прихода к власти фашизма, уроки нашей общей победы над ним заставляют нас задуматься о выверенности политических решений и действий, сотрудничестве во благо мира, доброй политической воле правительств и народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсенков, А. С. История России. 1917 – 2004 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 846 с.
2. Нюрнбергский процесс : сбю материалов : в 8 т. – М. : Юрид. лит., 1991–1999.
3. Россия и СССР в войнах XX века : стат. исслед. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 608 с.
4. Ширер, У. Взлет и падение третьего рейха : в 2 т. / У. Ширер. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 456 с.
5. Шумейко, И. Н. Вторая мировая. Переагрузка / И. Н. Шумейко. – М. : Вече, 2007. – 320 с.

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL RESPONSIBILITY: AGAINST THE FALSIFICATION OF THE SECOND WORLD WAR HISTORY

V.I. Kovalenko

The article analyzes the problems, associated with the attempts of falsification of the main factors and prerequisites of the Second World War and the role of individual States in its completion. The author stresses the inadmissibility of equating the policy of Hitler's Germany and the Soviet Union, so characteristic of many modern researchers of the era in the West.

Key words: the Second World War, fascism, the historical responsibility, the falsification of history, political process.